

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00011

МИГРАЦИОННАЯ ПОДВИЖНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ЕЁ ИЗМЕРЕНИЕ

Рыбаковский Л.Л.^{1,2}, Маевский Д.П.³, Кожевникова Н.И.².

¹Институт социально-политических исследований РАН
(119333, Российская Федерация, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1)

²Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

³Омский государственный технический университет
(644050, Россия, Омск, Пр. Мира, 11)

e-mail: 1284781@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость разведения разных по смыслу понятий «миграционная мобильность» и «миграция населения». Показано, когда и каким образом в отечественной литературе было сформулировано положение о том, что между этими понятиями существуют принципиальные различия, сказано, что из встречавшихся в литературе толкований термина «мобильность», авторы, высказали мнение о том, что мобильность это понятие, обозначающее такое явление как потенциальная готовность населения к изменению своего территориального статуса. Предлагая такое толкование мобильности, авторы исходили из следующей схемы: в начале, определяется само явление, затем, выделив его существенные свойства, формулируется понятие и лишь, потом подбирается ему наиболее приемлемый термин. В статье показано, что миграционная подвижность, в чем бы она, не измерялась, или распределением уроженцев других местностей по количеству смен ими места жительства, или долями мигрантов в населении, включая и разные сроки пребывания в пункте проживания - все равно, является всего лишь одним из факторов в их общей совокупности, от которых в той или иной мере зависит принятие решения о совершении миграционного акта. Миграционная подвижность, измеряется с помощью различного рода индикаторов, из которых со второй половины XX века стали использоваться такие как числа миграционных перемещений, связанные со сменой постоянного места жительства. Сведения об этом дают социологические обследования, некоторые из них анализируются в статье, а также переписи и микропереписи населения Росстата, в которых фиксируются данные о местных уроженцах и уроженцах других мест (бывших мигрантов), их хронологическая структура. В заключительной части статьи показана связь структуры населения по времени вселения с показателями интенсивности миграции.

Ключевые слова: миграция, миграционная мобильность, местные уроженцы, уроженцы других мест, миграционный опыт, факторы миграции.

В разных словарях, толковых, социологических и других приводится одно и то же значение термина «мобильность», означающее подвижность, способность к быстрому передвижению, действию, изменению состояния, положения и т.д. В послевоенные годы XX столетия в демографических и социологических исследованиях этот термин стал широко употребляться при изучении миграции населения. И это объяснимо, поскольку миграция населения в тот период стала предметом изучения не только географов и экономистов, но и социологов, политологов и других специалистов. Так, Заславская Т.И., характеризуя социологическое понимание миграции населения, писала, что его центральным пунктом «является рассмотрение миграции как одной из конкретных форм общего процесса мобильности...Мобильность относится к числу наиболее универсальных социальных процессов» [1.С.19]. Надо сказать, что все послевоенное время, а это почти 2/3 столетия, в социологической теории понятия «социальная мобильность» и «социальные перемещения» (горизонтальная, вертикальная и пр.), применялись как синонимы. Не избежала этого и миграционная проблематика. Какими бы научными или учебными учреждениями не проводились исследования миграции населения, всюду термины «миграционная мобильность» и «миграция населения» применялись как равнозначные.

Попытка развести эти два связанных между собой, но различных по своей сути, понятия была предпринята лишь в 1978 г. Цитируем то место из нашей статьи с Заславской Т.И, где было предложено одним термином называть миграцию населения, другим — то, явление, которое ей предшествует: «...уместно сделать одно терминологическое уточнение. В настоящее время в литературе встречаются три толкования термина «мобильность». В одних случаях он рассматривается как синоним слова «перемещение» (переселение), в других — как общее понятие для обозначения потенциальной и реальной мигра-

ции, в третьих — как потенциальная готовность населения к изменению своего территориального статуса. Не связывая себя ранее опубликованными работами, мы хотели бы высказаться в пользу последнего толкования, предпочтительность которого — в четком разграничении психологической готовности к перемещению и фактического перемещения» [2. С. 64]. Формулируя наш взгляд, мы придерживались в построении связи между терминами, явлениями, понятиями, простой, но логичной схемы. Вначале надо определить само явление, затем выделив его существенные свойства, сформулировать характеризующее его понятие и лишь, потом подобрать ему наиболее приемлемый термин. При этом мы руководствовались принципом: одно понятие — один термин.

Таким образом, смысловое определение мобильности было сведено к психологическому состоянию личности или конкретно, к способности мигрировать. Вероятно, можно было бы сказать не только к способности, но и к возможности миграции. Но главное, конечно, не в терминах, а в сути понятия, а она в том, что возможность миграции, как и способность к ней — еще не только не миграция, но даже и не готовность к ней. Возможность миграции, как и способность к ней — это психологическое состояние, сформировавшееся вследствие накопленного миграционного опыта. Корель Л.В., одна из первых, заметила, в чем состоит отличие миграционной подвижности от потенциальной миграции. У неё миграционная подвижность — это как бы объективизированное состояние, способность личности к миграции, сформировавшаяся вследствие накопленного миграционного опыта. Такой опыт она удачно называет миграционной биографией. Последняя включает совокупность перемещений, предшествующих моменту социологического обследования [3]. По-видимому, более точно будет сказать, к моменту фиксации, а она может быть не только в моменты социологического обследования, но и по результатам переписей населения.

Миграционная подвижность — свойство, присущее не только отдельному человеку, личности, но и всей совокупности людей, населению в целом. Сила этого свойства меняется в зависимости от числа совершенных переселений, продолжительности проживания в районе выхода или месте вселения и т.д. Мобильность во многом связана также с участием населения в других видах миграции, в частности, в трудовой, учебной, рекреационной, туристической, маятниковой и т.д. Сочетание различных обстоятельств может привести к тому, что лица, обладающие меньшей миграционной подвижностью, меньшим миграционным опытом, окажутся в числе мигрантов, тогда как мигранты, имеющие за плечами опыт многих перемещений, войдут в состав постоянного населения.

Одно из таких обстоятельств — существующее противоречие между возрастом и миграционным опытом. Суть в том, что с возрастом увеличивается количество миграционных перемещений, накапливается миграционный опыт. А это — одна из предпосылок высокой миграционной подвижности. Вместе с тем, миграционная активность (стремление мигрировать) почти повсеместно у молодежи заметно выше, чем у населения старших возрастов, хотя у неё и меньше миграционного опыта. Различные опросы населения подтверждают сказанное. В частности, лица в возрасте 18–20 лет, не имеющие еще за плечами ни одной смены населенных пунктов постоянного проживания, чаще ориентированы на миграцию, чем лица пожилого возраста, обладающие богатым миграционным опытом. Тем не менее, при равных условиях жизни лица, обладающие большей миграционной подвижностью, имеют, как правило, и большую психологическую готовность к переселению. Такой человек, скорее примет решение вновь переселиться, если его не удовлетворяют условия жизни в последнем месте жительства, чем тот, кто родился в данной местности и прожил там всю свою жизнь. Миграционная мобильность — это такое свойство

отдельной личности или их совокупностей, которое формируется всю жизнь независимо от участия или нет в миграции. Причем участие не только в переселениях, но и в других видах внутренних и внешних миграций, способствует расширению возможностей наращивания миграционного опыта и его обогащения и не только лицам старшего возраста, но еще в большей мере молодежи.

Другое обстоятельство состоит в том, что миграционная мобильность является всего лишь одним из факторов, от которых, так или иначе, зависит принятие решения о совершении миграционного акта. Будучи фактором, влияющим на формирование миграционных намерений, миграционная мобильность, проявляет себя, как и остальные факторы не изолированно, а в совокупности, причем некоторые из них оказывают большее влияние на принятие решения о миграции, чем тот или иной уровень миграционной подвижности. Население, проживающее в разных по географическим, природным и социально-экономическим условиям районах страны, в населенных пунктах разного статуса, имеющее различную структуру по времени формирования, по возрасту и т.д. — все это сказывается на его территориальной подвижности.

Миграционная подвижность — это пожизненное свойство человека, независимо от того, участвовал он или нет в каких-либо миграциях, меняя или нет регион проживания и статус населенного пункта. Число перемещений и их специфика (геополитическая, географическая) — все это в той или иной мере сказывается на миграционной подвижности и, стало быть, миграции населения. Миграционная подвижность лишь в купе с другими факторами обуславливает формирование того психологического состояния личности (в данном случае — миграционных намерений), которое проявляет себя в принятии решения о территориальном перемещении или отказе от него.

Миграционная подвижность — это конкретный феномен, который может

быть измерен с помощью различного рода индикаторов. Изначально, использовались измерители, дававшие весьма примерную оценку миграционной подвижности населения. Тем не менее, с их помощью можно было делать временные сравнения. Так, в дореволюционной России по расчетам Кауфмана А. А. в переселениях участвовало 0,14% общей численности населения страны, или 10% его годового естественного прироста [4. С. 4]. В советские послевоенные годы, согласно оценкам Сониной М. Я., в миграциях участвовало в 6 раз больше, чем до революции [5. С. 161]. Измерение миграционной подвижности населения возможно с помощью сравнительно точных индикаторов, таких как сведения о количестве поездок, совершаемых одним человеком в течение года, а также с помощью числа проданных пассажирских билетов и выданных различных документов, разрешающих эти поездки. Моисеенко В. М. еще в советские годы были сделаны расчеты, изменения миграционной подвижности населения после революции 1917 года. Если в 1940 г. один житель СССР делал в среднем 12,1 различных поездок в год, то в 1981 г. — 21,5 [6. С. 36].

Со второй половины XX века встречаются публикации, в которых приводятся более адекватные показатели миграционной подвижности населения, такие как число миграционных перемещений, связанных со сменой постоянного места жительства. Для оценки миграционной подвижности населения страны, региона и того или иного населенного пункта, используются либо количество переселений, приходящихся на среднегодовую численность, проживающих там жителей, либо дается их распределение по группам в зависимости от того, сколько переселений состоялось к моменту обследования. К сожалению, сведения о подобных перемещениях скудны. Тем не менее, некоторые из них могут дать наглядное представление о различиях в миграционной подвижности населения разных стран. Так, в 1970 г. средний американец в те-

чение жизни 13 раз менял место жительства. Для Великобритании и Японии эта цифра равна 7 [7. С. 25]. Согласно другому источнику, каждый житель Венгрии в течение всей его жизни в последней трети XX века совершал более четырех миграционных перемещений со сменой постоянного места жительства [8. С. 207].

Подобные сведения о миграционной подвижности, правда, не всего населения, а лишь его отдельных возрастных групп, приводятся в публикации Моисеенко В. М. Используя данные выборочного обследования, проведенного в 1979 г., она отмечает, что среди иногородних рабочих текстильной промышленности Москвы среднее число перемещений у лиц в возрасте 18–19 лет составляло 1,31, у 20–24-х летних — 1,33 и у лиц в 25–29 лет — 1,74 [9. С. 55]. Миграционная подвижность была различной и у людей одного возраста, но проживающих в разных районах страны. Для конца 60-х годов прошлого столетия украинские геронтологи Сачук Н. Н. и Стахович В. А. приводят такие данные о территориальных различиях в миграционной подвижности долгожителей, согласно которым число переездов у лиц в 80 лет и старше за их жизнь составило в Молдавии 0,53, Абхазии — 0,82, Белоруссии — 0,85, Украине — 0,88 и в Литве — 1,25. В среднем по обследованным районам 47,1% лиц в возрасте 80 лет и старше в течение всей своей жизни не меняли места жительства [10. С. 46–47].

Апофеозом получения сведений о миграционной подвижности населения в советские годы явилось обследование, проведенное Госкомстатом России, в год развала Советского Союза. Обследование выявило, что в 1991 г. у 37% опрошенных лиц миграция была всего один раз, у 21% — два раза и у 10% — три и более раз [9. С. 55]. В общей сложности в миграциях участвовало 68% населения, попавшего в обследование. Такую же долю, участвовавших в миграциях, в составе опрашиваемых, выявило Всероссийское социологическое обследование, проведенное Центром социального прогнозирования (объ-

ем выборки 1750 человек) в середине нулевых годов XXI века. Опрос показал, что ни одного раза не меняли места жительства 32,0% респондентов, один раз меняли 32,5%, два-три раза –23,8%, три-четыре раза–6,4%, пять-шесть раз –3,0% и семь раз и более –1,9%. Не ответили на этот вопрос –0,4%. [11. С. 152]. В 2013 г. РАНХ и ГС при Президенте РФ было проведено выборочное обследование населения в рамках проекта «Человек, семья, общество», в котором ставился и вопрос о количестве переездов в другой населенный пункт более чем на 6 месяцев. Было опрошено 9,5 тыс. человек. Оказалось, что 23% респондентов совершали это всего один раз, два переезда –8,3%, три переезда –у 3,4%, четыре и более переездов- 2,6%. Всего в миграциях участвовало 37,3%. Почти 2/3 остальных (62,7%) никогда не меняли места жительства [12. С. 100].

Помимо этих трех общероссийских обследований миграционной подвижности населения имеется также опрос, который отличается от них по совокупностям выборочного населения и по его возрастной структуре. Обследование миграцион-

ного опыта населения в возрасте от 18 до 49 лет в десяти городах России проводилось Левада-Центром (опрошено 3200 человек) в 2006 году. Среди опрошиваемых местных уроженцев в среднем по массиву было 65,8%. Согласно переписи населения в 2002 г., эта доля среди всех жителей страны составляла 53%. В числе уроженцев, лиц никогда не переезжавших, оказалось 57,8% и тех, кто переезжал –42,2%, из них переезжавших 1 раз было 23,0%, 2 раза –11,4%, 3 раза –4,0% и 4 и более раз –3,8%. В свою очередь в составе мигрантов тех, кто уже переезжал 1 раз, было 54,6%, 2 раза –29,9% и 3 и более раз –18,5%. [13.С.105]. Обследованием выявлен большой разброс данных о миграционном опыте у населения разных городов. Минимальная доля тех, у кого был один переезд, приходится на Санкт-Петербург (39,1%) и максимальная –на Нальчик (75,4%), доля тех, у кого насчитывалось 3 и более переездов –Оренбург (11,9%) и Санкт-Петербург (28,3%). Результаты четырех опросов, проведенных в постсоветские годы, представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Структура населения России в зависимости от числа совершенных миграционных перемещений (по данным опросов населения) в%

Table 1.

Population structure of Russia depending on the number of migratory movements made (according to population surveys),%

Ответ на вопрос: «Сколько раз Вы участвовали в переселении?»	1991 г., Госкомстат РФ	2006–2007 гг., ЦСП	2006 г. Левада-Центр	2013 г., РАНХ и ГС
Ни разу	32	32	58	63
1 раз	37	33	23	23
2 раза	21	(20)*	11	8
3 и более	10	(15)*	8	6

* 23,8% участвовали в переселениях 2–3 раза и 11,4% –3–4 раза, цифра откорректирована и стала 20%, а 3.8% включены в три и более.

Источник: [9], [11], [12], [13]

Все эти опросы отличаются в методическом отношении, разным охватом категорий населения (все население, городское) и т.д. Тем не менее, при всех их различиях они позволяют сравнивать структуры населения по числу совершенных миграций. Результаты распределения участвовав-

ших в миграциях в обследованиях Госкомстата РФ, ЦСП, Левада-Центра и РАНХ и ГС отличаются, прежде всего, тем, что в первом и втором случаях доля населения, уже имевшего миграционный опыт составляла 68%, тогда как в третьем –42% и в четвертом –37%. Второе отличие заключа-

ется в структуре миграционного опыта. Доля тех, кто участвовал в миграции всего один раз в обследовании Госкомстата РФ была 37%, в опросах ЦСП — 33%, в опросах Левада-Центра и РАНХиГС — 23%. Соответственно многократные миграции имели следующие доли: 31%, 35%, а также 19% и 14%.

Если допустить, что опросы населения о его миграционном опыте, проведенные в новом столетии, были такими же репрезентативными, как и обследованные Госкомстата РФ в 1991 г., то окажется, что спустя примерно два десятка лет после развала Советского Союза, миграционная подвижность населения сократилась. Правда, не до такой степени, как это постулируется в работе Зайончковской Ж.А. и Ноздриной Н.Н.: «Мобильность населения в России сейчас, примерно сходна с той, какая была до первой мировой войны» [13. С. 98]. То, что миграционная мобильность, как и реальная интенсивность миграции населения в постсоветской России снизилась — это правда. Но она снизилась не до такой степени, о чем говорят результаты социологических опросов.

Обследование, проведенное Центром социального прогнозирования примерно в то же время, когда и опрос Левада-Центром, во-первых, выявило для нулевых годов одинаковые с 1991 г. (Госкомстат РФ) пропорции между теми, кто уже имел миграционный опыт и теми, у кого его еще не было. Во-вторых, оно показало сокращение доли, мигрировавших один раз и, как результат, рост доли, делавших это 2 и более раз. Результаты опроса Левада-Центра и РАНХиГС говорят о том, что в составе населения России в XXI веке по сравнению с 1991 г. было почти в 2 раза меньше тех, кто менял свое местожительство в результате миграции — 42% и 37% (68% в 1991 г.). Имеющиеся расхождения между результатами опросов, проводившимися в разное время, особенно с тем, что было в 1991 г., вызваны также разными объектами обследований и тем, что в постсоветское время, совершаемые ре-

ально миграции в крупные города, часто не регистрируются. По этим и по ряду других причин (в частности, отбору респондентов по срокам переезда) число миграций со сменой места жительства согласно данным РАНХиГС, вероятнее всего, оказалось меньше, чем было на самом деле. Цифра 86% — тех, кто никогда не участвовал в миграциях и участвовал лишь один раз, — неправдоподобна, поскольку в населении России, согласно микропереписи 2015 г., доля мигрантов составляла 42,5%.

Наиболее доступным измерителем миграционной подвижности различных совокупностей населения, к тому же обладающим наибольшими возможностями его использования, как для временных сопоставлений (советское и постсоветское), так и в региональном разрезе, является продолжительность проживания бывших мигрантов в местах постоянного жительства. Эту универсальную информацию, существующую уже многие десятилетия, можно почерпнуть из переписей и выборочных обследований населения. Если не брать дореволюционную (1897 г.) и одну из советских довоенных (1926 г.) переписей населения, в которых была информация о составе населения по его миграционному опыту, то в послевоенные годы сведения о численности уроженцев мест проведения переписей и проживающих там бывших мигрантах впервые появилась лишь в 1979 году. В первой послевоенной переписи (1959 г.) сведения об уроженцах и бывших мигрантах в составе переписного населения полностью отсутствовали, а в материалах переписи 1970 г. были только данные о численности мигрантов, проживавших в месте проведения переписи менее двух лет. К сказанному надо добавить, что сведения о составе бывших мигрантов в местах постоянного проживания, относящиеся к регионам страны, по переписи 1989 г. не были обнаружены, что затрудняет их использование. Таким образом, данные о соотношении между теми, кто проживал в местах своего рождения и теми, кто вселился туда,

а также их структуре по времени вселения, для советского периода наиболее доступны только по переписи населения 1979 года. Главное, что было зафиксировано этой переписью, это то, что в целом по России доли тех, кто проживал в местах своего рождения, и тех, кто туда переехал и постоянно там проживает, составляли соответственно 46,1% и 53,9%. В том году доля бывших мигрантов, проживавших в месте вселения менее двух лет, во всем населении составляла 8,7%, тогда как еще в 1970 г. она была 7,0%.

Проведенная уже в постсоветское время, в 1994 г. микроперепись (выборочное обследование) выявила, что в общем составе населения России доля тех, кто родился в других местах, сократилась по сравнению с 1979 г. до 42,0% (была 53,9%). Уменьшилась и доля тех мигрантов, которые прожили в этих местах менее десяти лет — с 47% в 1979 г. до 29% — в 1994 году. Это же произошло и с удельными весами лиц, проживших в новых для них местностях менее двух лет (соответственно с 16,2 до 7,5%). Данные этой микропереписи подтвердили, происшедшее в начале 90-х годов, сокращение объемов и интенсивности миграции населения России. Оно же показало, что такого катастрофического сокращения миграционной активности населения в постсоветской России сравнительно с временами Первой мировой войны не только не было, но и не могло быть по определению. Выборочное обследование также выявило, что в составе лиц, проживающих в местах постоянного жительства не с рождения, доли мужчин и женщин составляли 43 и 57% (в населении на начало 1994 г. было 47 и 53%). Среди уроженцев других местностей, кто в местах постоянного проживания находился менее двух лет, доля мужчин достигала 54%.

Перепись населения в 2002 г., когда специфика проводимых в стране реформ уже не так болезненно ощущалась населением, зарегистрировала увеличение в его составе доли лиц, родившихся в других местах до 46,6%. Она стала боль-

ше, чем в 1994 г., но осталась меньше, чем в 1979 году. По данным переписи 2010 г. эта доля вновь увеличилась до 53,8%, т.е. вернулась на уровень 1979 года. Вместе с тем, доля бывших мигрантов, проживших в месте постоянного жительства менее десяти лет, в 2010 г. оказалась ниже, не только чем в 2002 г., но и ниже чем в 1994 г. и 1979 году. Сократилась и доля бывших мигрантов, проживших в новом месте постоянного жительства менее двух лет. Она в 1979 г. составляла 16,2%, в 1994 г. — 7,5% и в 2015 г. (выборочное обследование Росстата) — 2,9%.

То, что в населении доля лиц, родившихся в других местах, выросла в 2010 г. и сравнялась с тем, что было в 1979 г. (53,9%), казалось бы, говорит о восстановлении существовавшего в конце 70-х годов прошлого столетия уровня миграционной активности населения. Доля среди бывших мигрантов тех, кто прожил в новых местах их постоянного жительства либо менее десяти лет (удельный вес в 2010 г. к уровню 1979 г. составил примерно 60%), либо, что еще более показательно, менее двух лет (соответственно 16,2 и 2,9%), свидетельствует о сокращении миграционной активности населения России. Особенно она существенно сократилась в северных регионах страны. Вот один из примеров. В 1979 г. в Ханты-Мансийском АО (ХМАО) доля мигрантов в населении была 81,0%, в Ямало-Ненецком АО (ЯНАО) — 79,3%. Поскольку в этих районах в прошедшие два-три десятка лет было достигнуто необходимое насыщение экономики рабочей силой, то соответственно её наращивание быстрыми темпами, как это происходило в период крупномасштабного освоения нефтяных и газовых месторождений, стало не нужным. В эти регионы сократился приток мигрантов на постоянное жительство, его стали заменять трудовые мигранты и «вахтовики». В результате к 2015 г. соотношение между местными уроженцами и бывшими мигрантами радикально изменились. Доля бывших мигрантов в населении ХМАО снизилась до 66,1%, ЯНАО — до 60,4%. В этих северных

регионах за прошедшие 25–30 лет также заметно выросла доля местных уроженцев — в ХМАО с 19% до 33,9% и в ЯНАО — с 29,2% до 39,6%.

Другой пример. В том же 1979 г. доля мигрантов в населении Чукотского АО составляла 77,5%, в Магаданской области — 77,8%, Сахалинской области — 66,1% и в Камчатском крае — 69,9%. В современных условиях в России существенно сократилась численность населения этих северных регионов. Причина — падение потребности в трудовых ресурсах, избыточность которых имела еще с советских времен. Эти регионы стало покидать прошлое население, особенно то, которое туда прибыло из государств, ставших самостоятельными после распада СССР. Выбывали также лица, вселившиеся туда в более позднее время и потому имевшие меньшие льготы, чем старожилы. Из этих регионов пошел массовый отток населения. Так, численность населения Чукотского АО к началу 2011 г. составила 51 тыс. человек против 164 тыс. в 1989 г., в Магаданской области соответственно — 156 тыс. и 392 тыс. человек. В результате к 2015 г. соотношения между местными уроженцами и бывшими мигрантами радикально изменились. Доля бывших мигрантов в населении Чукотского АО снизилась до

55,3%, Магаданской области — 58,2%, Сахалинской области — 44,3% и Камчатского края — 46,9%. При этом заметно выросла доля местных уроженцев, поскольку из этих регионов мигрировали преимущественно уроженцы других мест. Как следствие, доля местных уроженцев в Чукотском АО выросла с 22,5% в 1979 г. до 43,1% в 2015 г. и в Магаданской области с 22,2 до 41,8%, в Сахалинской области — с 33,9% до 55,7% и в Камчатском крае — с 30,1% до 53,1%. Приведенные данные говорят о том, что население северных регионов в 90-е годы XX века стало менее мобильным, чем оно было прежде. Если это так, то подобный феномен делает формирование и поддержание необходимого для экономики количества трудовых ресурсов в северных регионах более экономичным, чем это было тогда, когда в составе населения существенно преобладали бывшие мигранты.

О том, что происходило с миграционной активностью населения в пореформенной России в 90-е годы XX века, а также нулевые и десятые годы XXI столетия, свидетельствуют данные таблица 2. В ней приводятся сведения из четырех переписей населения, проведенных как в советские, так и постсоветские годы, а также двух микропереписей.

Таблица 2

Доля бывших мигрантов разных лет вселения в составе населения России, по данным переписей и обследований, в%*

Table 2.

The share of former migrants of different years of settlement in the composition of the population of Russia, according to censuses and surveys,%

Переписи и выборочные обследования (госстистика)	Доля бывших мигрантов в населении	Доля мигрантов, проживавших в месте вселения менее двух лет	
		во всем населении	среди бывших мигрантов
1970 г., перепись	...	7,0	...
1979 г., перепись	53,9	8,7	16,2
1994 г., обследование	42,0	3,2	7,5
2002 г., перепись	46,6
2010 г., перепись	53,8
2015 г., обследование	42,5	1,2	2,9

Источник: <http://www.gks.ru/>, <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=9>, http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis_2010/croc/perepis_itogi1612.htm

С определенной долей осторожности можно сделать ряд выводов. Судя по доле лиц, проживавших в месте проведения переписи менее двух лет, в советские годы наблюдался рост миграционной активности населения (7,0% и 8,7%). Затем к 1994 г. произошло её резкое сокращение: доля бывших мигрантов в населении в 1994 г. сократилась по сравнению с 1979 г. почти на 12 процентных пунктов (с 53,9 до 42,0%), а доля приезжих, проживших менее двух лет, уменьшилась в составе населения в 2,7 раза (с 8,7 до 3,2%). Что касается последующих сведений, то они представляют такую картину: в 2010 г. доля бывших мигрантов в населении подскочила до уровня 1979 г., а в 2015 г. — упала до 1994 года. Проследить по другим характеристикам, таким как доли лиц, проживших менее двух лет в составе и мигрантов, и всего населения не представляется возможным, т.к. Росстат сделал все возможное, чтобы исключить подобные сравнения.

Все показатели, характеризующие в той или иной степени миграционную подвижность населения, в конечном счете, замыкаются на её возможном конечном результате, а именно, состоит или нет миграционный акт. Этот конечный результат выражается с помощью различных показателей миграции. В послевоенные годы, если судить по данным о миграции городского населения (в то время существовал учет лиц, меняющих место постоянного жительства только по городским поселениям), её объемы и интенсивность менялись. Если показатели интенсивности миграции по прибытию в 1965 г. составляли 8%, то в 1970 г. они повысились до 10%. С середины 70-х годов, к которым относятся приведенные выше данные, вплоть до 90-х годов сведения о масштабах, направлениях и особенно возрастно-половой структуре мигрантов не публиковались в открытой печати. Связано это было с тем, что в 1976 г. демографическая статистика подверглась по инициативе оборонного ведомства, поддержанного Госпланом СССР, секвестру. Возражения со сто-

роны ЦСУ СССР и АН СССР против закрытия демографической информации оказались слабым утешением для участников межведомственной комиссии. Информация о миграционных потоках, численности населения экономических районов, о поле рожденных детей и многое другое было запрещено к публикации в открытой печати под предлогом, что враг не должен знать, к примеру, как перемещаются мобилизационные контингенты или сколько рождается будущих призывников. Общие числа рождений продолжали публиковаться, а поскольку доли мальчиков и девочек в них были сравнительно стабильны, то определение численности тех и других, было делом техники.

К началу 90-х годов информация о миграционных потоках стала постепенно открываться. Если еще в статистических сборниках «Население СССР за 1987–1988 гг. (издатель Государственный комитет СССР по статистике) разделы по миграции полностью отсутствовали, то в «Демографическом ежегоднике СССР», как и в справочнике по РСФСР появились разделы по миграции населения. Уже «Демографический ежегодник Российской Федерации» за 1993 г. включал общие данные о прибывших и выбывших по внутренним миграциям и со странами нового зарубежья. Постепенно сведения о миграции населения, её объемах, структуре и т.д. стали доступными, что позволило ряду ученых (Орловой И.Б., Зайончковской Ж.А. и некоторым другим) показать, что с началом реформирования России объемы и соответственно интенсивность миграции населения страны стали сокращаться. Сокращению объемов и интенсивности миграции населения в постсоветские годы в полной мере соответствуют и данные о доле лиц, проживавших в местах вселения менее двух лет. Сопоставление данных 1979 г. с 2015 г. представлено в таблице 3.

Таблица 3.

Взаимосвязь интенсивности миграции с долей мигрантов, проживающих в местах вселения менее двух лет

Table 3.

The relationship between the intensity of migration and the share of migrants living in the places of settlement for less than two years

Уровень интенсивности миграции населения, в промилле (%)	1979 г. городское население		2015 г. все население	
	Число регионов, %	Доля проживших менее двух лет в населении регионов, %	Число регионов, %	Доля проживших менее двух лет в населении регионов, %
Менее 50 промилле	-	-	14	0,7
От 50,1 до 60,0	10	4,4	21	1,0
От 60,1 до 70,0	22	7,2	17	1,3
От 70,1 до 80,0	26	7,7	21	1,5
От 80,1 до 90,0	16	8,4	13	1,8
От 90,1 и больше	26	11,9	14	2,4
Россия в целом	100	7,0	100	1,2

Источник: <http://www.gks.ru/>, <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=9>, http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis_2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Данные таблицы позволяют сделать три принципиальных вывода. Во-первых, сравнение распределений регионов по группам в зависимости от уровней интенсивности миграции населения с относящимися к ним долями бывших мигрантов, проживших менее двух лет в местах вселения в 1979 г. и в 2015 г. однозначно свидетельствуют, что чем больше доля бывших мигрантов, проживших менее двух лет в составе населения регионов, тем выше коэффициенты интенсивности миграции. Во-вторых, в 1979 г. доля регионов, у которых интенсивность миграции городского населения зашкаливала за 80 промилле было 42%, тогда как в 2015 г. — 27%, от 60,1 до 80% в первом случае было 48% и во втором — 38%. В то же время регионов с интенсивностью миграции в 60% и ниже в 1979 г. было всего 10%, тогда как в 2015 г. — 35%. В-третьих, во всех регионах, распределенных по величине интенсивности миграции населения, доля бывших мигрантов, проживших в местах вселения менее двух лет, в 1970 г. была в 4,5–5,5 раза больше, чем в 2015 году.

Таким образом, и динамика показателей миграции населения и динамика до-

лей бывших мигрантов, проживавших в местах вселения менее двух лет, в период превышающий треть столетия (с 1979 г. по 2015 г.) свидетельствуют об одном и том же, о сокращении миграционной подвижности населения России.

* * *

Миграционная мобильность (подвижность), чем бы она не измерялась — распределением уроженцев других местностей по количеству смен ими места жительства, или долями мигрантов в населении, включая и разные сроки его пребывания в пункте проживания, все равно, это всего лишь фактор, обуславливающий тот или иной тип миграционного поведения, условие формирования тех или иных миграционных установок. Сама по себе потенциальная мобильность — не готовность, а способность (возможность) к совершению миграционного акта, не определяет еще решение об осуществлении миграционного акта. Она проявляет себя в общей совокупности факторов, детерминирующих тот или иной тип миграционного поведения.

Литература

1. Миграция сельского населения. / Под ред. Т. И. Заславской. — М.: Мысль, 1970. — 348 с.
2. **Заславская Т. И., Рыбаковский Л. Л.** Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе. // СОЦИС. — 1978. — № 1. — С. 56–66.
3. **Корель Л. В.** Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. — Новосибирск: Наука, 1982. — 190 с.
4. **Кауфман А. А.** Переселение и колонизация. — СПб.: Библиотека «Общественной пользы». 1905. — 443с.
5. **Сонин М. Я.** Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. — М.: Госпланиздат. 1959. — 367с.
6. **Моисеенко В. М.** Территориальное движение населения. Характеристика и проблемы управления. — М.: Мысль, 1985. — 120 с.
7. Миграционная подвижность населения СССР. /Под ред. Б. С. Хорева и В. М. Моисеенко. — М.: Статистика. 1974. — 159 с.
8. Демографические процессы в социалистическом обществе. / Под ред. Рябушкина Т. В. и Рыбаковского Л. Л. — М.: Финансы и статистика, 1981. — 295 с.
9. **Моисеенко В. М.** Внутренняя миграция населения. — М.: ТЕИС, 2004. — 285с.
10. **Рыбаковский Л. Л.** Миграция населения (вопросы теории). — М.: ИСПИ РАН, 2003. — 238с.
11. **Ходенко С. В.** Миграционные процессы и их влияние на формирование постоянного населения России. — М.: Экон-Информ, 2010. — 375 с.
12. **Голенкова З. Т., Сушко П. Е.** Социальная мобильность в контексте миграционных биографий россиян. // СОЦИС. — 2016. — № 12. — С. 95–104.
13. **Зайончковская Ж. А., Ноздрина Н. Н.** Миграционный опыт населения региональных центров России. // Проблемы прогнозирования. — 2008. — № 4. — С. 98–115.

Для цитирования:

Рыбаковский Л. Л., Маевский Д. П., Кожевникова Н. И. Миграционная подвижность населения и её измерение // Народонаселение. — 2019. — № 2. — С. 4-16. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00011

Сведения об авторах:

Рыбаковский Леонид Леонидович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, главный научный сотрудник ИСЭПН РАН

Контактная информация: e-mail: 1284781@mail.ru

Кожевникова Наталия Ивановна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИСПИ РАН, ведущий научный сотрудник ИСЭПН РАН.

Контактная информация: e-mail: dema1@mail.ru

Маевский Дмитрий Павлович, кандидат экономических наук, Омский государственный технический университет

Контактная информация: e-mail: maevskiydp@gmail.com

DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00011

MIGRATION MOBILITY OF POPULATION AND ITS MEASUREMENT

Leonid L. Rybakovsky^{1,2*}, Dmitry P. Mayevsky³, Natalia I. Kozhevnikova^{1,2}

¹ Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences
(6/1 Fotievoy st., Moscow, Russian Federation, 119333)

² Institute of Socio-Economic Studies of Population, Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)

³ Omsk State Technical University (11 Omsk, Prospect Mira, Russian Federation, 11644050)

* e-mail: 1284781@mail.ru

Abstract. The article substantiates the necessity of delineating the concepts of “migration mobility” and “population migration”, which are different in meaning. It shows when and how the Russian academic literature has formulated the statement that there are fundamental differences between these concepts. On the basis of the available interpretations of the term “mobility”, the authors express the opinion that mobility is a concept denoting such a phenomenon as the potential readiness of population to change their territorial status. Offering this interpretation of mobility, the authors proceeded from the following scheme: in the beginning, the phenomenon itself is identified, then, after highlighting its essential properties, the concept is formulated and only then the most appropriate term is chosen for it. The article shows that migration mobility, whatever it is measured in, or in the distribution of natives of other localities by the number of changes of their place of residence, or in the shares of migrants in the population, including different periods of their stay at the place of residence — it is still just one of the factors in their overall totality, on which to some extent depends the decision to migrate. Migration mobility is measured using various types of indicators, which from the second half of the twentieth century began to be used, such as the number of migratory movements connected with change of the permanent place of residence. This information is provided by sociological surveys, some of which are analyzed in the article, as well as by the Rosstat censuses and micro-censuses of population, which record data on local natives and natives of other places (former migrants), and their chronological structure. The final part of the article shows the relationship between the population structure at the time of settlement and the indicators of the intensity of migration.

Keywords: migration, migration mobility, local natives, natives of other places, migration experience, migration factors.

References

1. Migratsiya sel'skogo naseleniya [*Migration of the Rural Population*]. Ed. T.I. Zaslavskaya. Moscow. Mysl' [Thought]. 1970. 348 p. (in Russ.)
2. Zaslavskaya T.I., Rybakovsky L.L. Protsessy migratsii i ikh regulirovaniye v sotsialisticheskom obshchestve [*Migration processes and their regulation in socialist society*]. SOTSIS [*Sociological Studies*]. 1978. № 1. P. 56–66. (in Russ.)
3. Korel L.V. Peremeshcheniya naseleniya mezhdru gorodom i selom v usloviyakh urbanizatsii [*Population Movements between Urban and Rural Areas under the Conditions of Urbanization*]. Novosibirsk. Nauka [Science]. 1982. 190 p. (in Russ.)
4. Kaufman A.A. Pereseleniye i kolonizatsiya [*Resettlement and Colonization*]. Saint-Petersburg. Biblioteka «Obshchestvennoy pol'zy» [Publishing house of the Public Benefit Association]. 1905. 443 p. (in Russ.)
5. Sonin M. Ya. Vosproizvodstvo rabochey sily v SSSR i balans truda [*Reproduction of Labor Force in the USSR and Balance of Labor*]. Moscow. Gosplanizdat [Gosplan publishers]. 1959. 367 p. (in Russ.)
6. Moiseenko V.M. Territorial'noye dvizheniye naseleniya. Kharakteristika i problemy upravleniya [*Territorial Movement of Population. Characteristics and Management Problems*]. Moscow. Mysl' [Thought]. 1985. 120 p. (in Russ.)
7. Migratsionnaya podvizhnost' naseleniya SSSR [*Migration Mobility of the USSR Population*]. Eds. B.S. Khorev and V.M. Moiseenko. Moscow. Statistika [Statistics]. 1974. 159 p. (in Russ.)
8. Demograficheskiye protsessy v sotsialisticheskom obshchestve [*Demographic Processes in the Socialist Society*]. Eds. T.V. Ryabushkina and L.L. Rybakovsky. Moscow. Finansy i statistika [Finance and Statistics]. 1981. 295 p. (in Russ.)
9. Moiseenko V.M. Vnutrennyaya migratsiya naseleniya [*Internal Migration of Population*]. Moscow. TEIS. 2004. 285 p. (in Russ.)
10. Rybakovsky L.L. Migratsiya naseleniya (voprosy teorii) [*Migration of Population (Theory Issues)*]. Moscow. ISPI RAN [Institute of Socio-Political Research RAS]. 2003. 238 p. (in Russ.)
11. Khodenko S.V. Migratsionnyye protsessy i ikh vliyaniye na formirovaniye postoyannogo naseleniya Rossii [*Migration Processes and Their Impact on Formation of the Resident Population of Russia*]. Moscow. Ekon-Inform. 2010. 375 p. (in Russ.)
12. Golenkova Z. T., Sushko P.E. Sotsial'naya mobil'nost' v kontekste migratsionnykh biografii rossiyan [*Social mobility in the context of the migration biographies of Russians*]. SOTSIS [*Sociological Studies*]. 2016. № 12. P. 95–104. (in Russ.)
13. Zayonchkovskaya J. A., Nozdrina N.N. Migratsionnyy opyt naseleniya regional'nykh tsentrov Rossii [*Migration experience of the population of the regional centers of Russia*]. Problemy prognozirovaniya [*Studies on Russian Economic Development*]. 2008. № 4. P. 98–115. (in Russ.)

For citation:

Rybakovsky L. L., Mayevsky D. P., Kozhevnikova N. I. Migration mobility of population and its measurement. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. No. 2. P. 4-16.

DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00011 (in Russ.)

Information about the authors:

Rybakovsky Leonid Leonidovich, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Political Research RAS, Moscow, Russia; Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 1284781@mail.ru

Mayevsky Dmitry Pavlovich, Cand. Sc. (Econ.), First Vice-Rector, Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Contact information: e-mail: maevskiydp@gmail.com

Kozhevnikova Natalia Ivanovna, Cand. Sc. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Socio-Political Research RAS, Institute of Socio-Economic Studies of Population RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: dema1@mail.ru